

ПРАВОСЛАВНЫЕ И МОЛОКАНЕ ОДНОГО СЕЛА XIX ВЕКА: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

Шаблин Андрей Александрович,

Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Россия)

Рассматривается взаимодействие православных и молокан д. Луховицы Рязанской губернии на протяжении XIX в. Показаны попытки раздельного поселения, предпринятые представителями двух религиозных учений в первой половине столетия, нормализация взаимоотношений, произошедшая во второй половине XIX в. Приведены примеры религиозных споров, происходивших в деревне в конце XIX в.

Религиозная жизнь русского крестьянства XIX в. нечасто становилась объектом специального рассмотрения. Между тем здесь протекали интересные процессы. Одним из наиболее распространенных сектантских учений XIX в. являлось молоканство, которое привлекало крестьян отказом от дорогой и чрезмерно формализованной господствующей церкви, своей ориентацией на христианскую церковь, которая существовала до вселенских соборов [4, с. 123].

Самостоятельный интерес представляет взаимоотношение молокан с православными тех сел, в которых это вероучение получало распространение. Как реально происходило выстраивание взаимоотношений между сектантами и православными в XIX в. мы рассмотрим на примере д. Луховицы Зарайского уезда Рязанской губернии, являвшейся одним из центров молоканства в Рязанской губернии.

Молоканское вероучение в здешнем край получило распространение через местных торговцев, которые еще в конце XVIII в. начали закупать скот в степи и перегоняли его к границам Московской губернии для забоя и выделки шкур [3, Л. 333]. О существовании же в Подлесной Слободе и Луховицах молоканской секты властям стало известно в 1811 г. Весной этого года произошел первый конфликт между молоканами села Подлесная Слобода и соседней деревни Луховицы с православными, после чего местные священники и сообщили епархиальному начальству о существовании здесь секты, именовавшей себя «духовными христианами». По сообщению местных православных священников, на Пасху сектанты не пустили их с иконами в свои дома, «...производили сверх того при собрании народа всякие на счет Святых икон и сих священноцерковнослужителей насмешки и ругательства» [6; Л. 1].

Расследование этого инцидента немедленно произвел и уездный земский суд, который выяснил, что местная секта включает 16 человек, и «воспитаны они из детства в секте предков их под названием духовных христиан». То есть перед нами второе поколение сектантов. В ходе расследования выяснилось, что сектанты «во время пасхи от принятия оных (икон. – А.Ш.) к себе в дома не отказывались, а напротив сами священноцерковнослужители быв прошены ими в дома неизвестно почему обошли их...».

Многочисленность претензий по ходу конфликта 1811 г., а также обвинение сектантов в том, чего, как выяснилось, они не совершали, свидетельствует о нетерпимом отношении священников к иноверцам.

Впрочем, неприятие было все же взаимным. Сектанты изначально ориентировались на полный разрыв с соседями-православными, почему луховицкие мо-

локане в «... 1810-м году дали доверенность Тамбовской губернии Борисоглебской округи села Русанова крестьянину Павлу Суркову просить начальства позволения переселиться на земли между рек Днепра и Дуная лежащих, где такого исповедания веры люди жительствуют со отправлением всех обрядов служения» [6; Л. 1 об.]. Правда, никакого разрешения от «начальства» на переселение луховицкие молokane не получают и вынуждено останутся жить в общей с православными деревне.

Во многом это облегчалось терпимым отношением к сектантам со стороны власти. Ситуация серьезно изменится в 30-е гг. XIX в. С одной стороны, молokane общины возникнут в целом ряде сел Луховицкой волости. С другой, в эти годы власть перешла в решительное наступление на сектантов. В рамках этого курса был принят ряд экономических мер. Одновременно в силу вступили меры административного характера. В апреле 1837 г. рязанский гражданский губернатор издал специальное распоряжение, предусматривающее целый перечень ограничений для молokane: «... 3) Молokane сборные избы... подлежат ломке, а материал продаже в пользу Приказа Общественного Презрения; 4) Молokane, проповедующих публично молokane учение вслух православным, за первое действие сего рода предается суду...» и др. [2; Л. 4 об.]. 3 июня 1836 г. Синод по указу императора слушал вопрос о мерах борьбы с молokaneми Рязанской губернии. Заседание приняло решение усилить беседы-увещевания местных священников, при необходимости назначить «на место их других способнейших...» [6; Л. 2 об.].

В этих условиях была предпринята еще одна попытка обособления православных и молokane. Спровоцировало это начавшееся в 1838 г. строительство нового шоссе от Коломны до Рязани, которое рассекло деревню Луховицы прямо по центру. Поэтому власти задумали кардинально изменить планировку деревни, поставив крестьянские дома не вдоль реки Вобли, как это было прежде на протяжении нескольких веков, а вдоль нового шоссе, перпендикулярно реке. Крестьяне-православные Луховиц неожиданно на сходе 28 мая 1838 г. приняли приговор с требованием расселить на новых местах местных молokane (приговор подписало 52 домохозяина), а православных поселить отдельно, на старых своих усадьбах. Затем они составили прошение на имя рязанского губернатора, в котором высказали эту же просьбу [1; Л. 2]. Лишь после полугода тяжелых уговоров уездного исправника в октябре 1838 г. те же православные дали расписку исправнику, что не возражают против совместного существования. Подобную же расписку предоставили и местные молokane (названо 16 домохозяев).

Подобное неприятие иноверцев исчезнет во второй половине XIX в., когда власти смягчат свое отношение к сектантам.

О религиозной жизни Луховицкой волости конца XIX в. мы неплохо осведомлены благодаря запискам сотрудника Этнографического бюро кн. В.Н. Теничева Н.М. Мендельсона, который в 1898 г. некоторое время жил близ Луховиц на выселках Самара, в доме престарелых супругов, из которых жена была молokaneй, а ее муж – православный. Исследователь побывал на богослужении молokane, присутствовал на беседе, которое проводил с молokaneми местный священник, лично беседовал со многими сектантами, наблюдал их повседневную жизнь, испытал на себе силу их убеждений, когда один из сектантов пытался обратить его в свою веру.

Особенностью сельской жизни этого времени, по свидетельству Н.М. Мендельсона, являлись религиозные споры: «Знакомые, собиравшиеся вечерами на крыльце избы моей старухи, довольно быстро от деревенских новостей переходили к вопросам веры. «Святые», «готовые» к раю осмеивались сообща и молоканкой, и ее гостями, но молоканство поднимало горячие споры. Вопрос о соблюдении поста не особенно обострял разговоры («Бывает, грешным делом, и мы оскоробимся»). Главными пунктами спора бывали всегда – крестное знамение и почитание икон» [8; Л. 6]. Очень часто победа в таких неформальных спорах оставалась за молоканами.

Обычно молокане побеждали и в спорах с местными православными священниками, которые носили официальный и обязательный характер.

Длительно совместное сосуществование даже для православных сделало молоканство естественной частью сельской культуры, а религиозные споры – привычной особенностью повседневной жизни села. Теперь вся нелюбовь луховичан досталась теперь представителям нового учения. «Могу засвидетельствовать..., – отмечал Н.М. Мендельсон, – что штундистам живется очень нелегко, что каждый разгром их молитвенного собрания в сильной мере оживляет и обостряет толки о вере. Молокан не теснят почти совсем» [8; Л. 7]. Это при том, что к концу XIX столетия молоканство стало по-настоящему массовым явлением жизни села, уверенно теснило православие. «В те годы, – записывал Н.М. Мендельсон в своих воспоминаниях, ... – в Зарайском уезде было сильное религиозное брожение, и крестьяне массами переходили в сектантство». И далее: «Меня крайне трогало, что простой народ, лапотники, очень терпимо относились к сектантам. Разумеется, с ними спорили, приводили изумительнейшие доводы «от писания», но все религиозные диспуты, совершавшиеся без участия специалистов, неизменно оканчивались со стороны лапотников почесыванием в затылках и вариациями на тему: «Кто ё знает! Бог там разберет!...» С большим сочувствием отзывались крестьяне о дружной жизни сектантов, всегда помогающих друг другу в беде» [5; Л. 90].

Литература

1. Государственный архив Рязанской области. Ф. 4. Оп. 535. Св. 14. Д. 112.
2. Государственный архив Рязанской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2434.
3. Государственный архив Рязанской области. Ф. 742. Оп. 1. Т.1. Д. 539.
4. Клибанов, А.И. История религиозного сектантства в России. – М., 1965.
5. Отдел рукописей РГБ. Ф. 165. К. № 1. Д. 17.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 93. Д. 469.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 117. Д. 728.
8. Российский этнографический музей. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1447.